

УДК 330.8

В. И. Клисторин

Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

АПОЛОГИЯ ИСТОРИИ ИЛИ ПОЧЕМУ ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ НЕОБХОДИМО ЭКОНОМИСТУ

В статье обсуждается проблема соотношения и взаимодействия двух наук: экономики и истории. Показано, что изучение истории раскрывает дополнительные возможности в экономических исследованиях в виде формирования продуктивных исследовательских гипотез и методов их верификации. Обсуждаются детерминированные модели общественного развития, базирующиеся на прогрессе технологии, особенностях природной среды и историческом опыте народов. Показано, что они имеют крайне ограниченное применение и объясняющую способность. Альтернативой им является экономическая история, т. е. использование экономических моделей и эконометрических методов в исторических исследованиях.

Ключевые слова: экономика, история, историческая школа, эволюция науки, производительные силы, географический детерминизм, исторический опыт, прикладная экономика, экономическая история.

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, вовсе не праздный для профессионального экономиста или для тех, кто изучает эту науку в надежде стать экономистом. Дело в том, что история как область знания представляет собой огромный массив информации, к сожалению, в большей части слабо структурированной и поэтому затруднительной для усвоения. В то же время экономика как наука развивается очень быстро, и сама по себе представляет огромный конгломерат теорий, иногда слабо связанных между собой, а также практических знаний, являющихся результатом эмпирических исследований в этих областях. Поскольку профессия экономиста относится к числу наиболее распространенных в нашем мире, редко кто из них может с той или иной степенью обоснованности утверждать, что его знания о достижениях современной экономической науки достаточно полны, а его исследования действительно находятся на «переднем крае» науки. Но изучение других дисциплин, прежде всего истории, неизбежно отнимает драгоценное время, и с ростом усилий по овладению историческим материалом неизбежно растут альтернативные издержки изучения экономических дисциплин и исследования собственно экономических процессов.

Цель данной статьи – убедить читателя в том, что изучение истории для экономиста является не столько данью традиции университетского образования и развития «общей культуры», но и чрезвычайно полезно для его профессионального становления и успешности работы.

Аргументы в пользу изучения истории

Простейший аргумент заключается в том, что знание в других областях знания обогащают исследователя и придают его работам оригинальность, которую трудно получить иным способом. Это касается любых дисциплин, но в особенности смежных и сопредельных, таких

как социология, психология, география и, разумеется, история. Не нужно даже убеждать в том, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, и, кроме того, оригинальным и неповторимым. Более того, каждый специалист, имеющий опыт в обосновании актуальности выбранной темы, обычно легко находит не менее полдюжины аргументов в пользу того, что данная проблема требует научного изучения и должна быть признана приоритетной.

Другая группа аргументов в пользу изучения экономистами и использования ими в своей работе достижений исторической науки состоит в том, что множество выдающихся экономистов прошлого не только не жалели времени на ее изучение, но и использовали эти знания в своей работе. И многие их достижения были бы невозможны без глубокого знания истории, т. е. не только фактов, но и понимания взаимосвязанности исторических процессов. Впечатляющий перечень выдающихся экономистов, внесших вклад не только в развитие собственной науки, но и истории, привел Д. МакКлоски в своей замечательной статье «Полезно ли прошлое для экономической науки»¹.

На заре экономической науки дискуссии проходили с использованием исторических аргументов, т. е. исторические примеры служили в качестве критерия истинности в экономических построениях. Более того, именно исторические факты часто служили базой для построения исследовательских гипотез (функция, практически полностью перешедшая в настоящее время к экономической теории и частично к политике и публицистике). Критика экономических теорий и самой методологии экономической науки также велась с позиций исторического знания. Так, оппозиция классической политической экономии использовала такие аргументы, как относительность и историческая обусловленность и ограниченность законов экономики (К. Маркс), относительность нашего знания об обществе вообще, принципиальная неразделимость экономических, социальных, политических и психологических процессов и явлений, что и создает неповторимость и уникальность исторического процесса и требует использования исторического метода в политической экономии (В. Рошер).

Один из крупнейших историков экономической науки Йозеф Шумпетер так определял важнейшие идеи исторической школы.

1. Релятивистский подход. Детализированные исторические исследования учат тому, насколько несостоятельна идея существования общезначимых практических правил в области экономической политики. Более того, возможность существования общих законов опровергается положением об исторической причинности социальных событий.

2. Положение о единстве социальной жизни и неразрывной связи между ее элементами. Тенденция к выходу за пределы простых социальных доктрин.

3. Антирационалистический подход. Множественность мотивов и несущественность чисто логических побудительных причин человеческих действий. Это положение утверждалось в форме этических аргументов и в стремлении к психологическому анализу поведения индивидов и масс.

4. Эволюционный подход. Новое всегда рождается из старого, поэтому эволюционные теории призваны использовать исторический материал.

5. Положение о значении интересов во взаимодействии индивидов. Важно то, как развиваются конкретные события и формулируются конкретные условия, а также каковы их конкретные причины, а не общие причины всех социальных событий.

6. Органический подход. Аналогия между социальными и физическими организмами. Первоначальная органическая концепция, согласно которой национальная экономика существует вне различных индивидуальных экономик и над ними, позднее заменяется концепцией, согласно которой индивидуальные экономики, составляющие национальную, состоят в тесной зависимости друг от друга.

Трудно спорить с приведенными подходами, но тогда возникает закономерный вопрос о том, имеют ли самостоятельную ценность экономические исследования и не следует ли заменить экономику историей? Ответ, разумеется, нет. Экономика изучает массовые явления и процессы, для истории важны нюансы и подробности. Обе науки устанавливают причинно-следственные связи, но предмет экономики неизбежно уже. Экономика – наука теоретиче-

¹ См.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Titova/31.php.

ская. Попытки же создания всеобщих исторических концепций и доктрин, что называется иногда философией истории, обычно оканчивались неудачей.

Экономика и история имеют дело с артефактами. Просто в первом случае это статистические данные, а во втором – тексты и результаты археологических раскопок. И, разумеется, работы предшественников. По этим артефактам люди научились не только восстанавливать факты, но и устанавливать связи между ними. Обе науки были и остаются гуманитарными. Но тексты неизбежно включают ошибки, возможны разночтения, а также прямая фальсификация. Результаты археологических раскопок могут пересматриваться по мере совершенствования методик датировки и т. п. Статистические данные также подвержены изменениям методики расчетов и не исключены фальсификации. Чему следует поучиться экономистам у историков, так это критическому взгляду на эмпирический материал и глубокому пониманию его несовершенства, а также конструированию всевозможных методов перепроверки полученных результатов.

История предоставляет экономистам огромный объем информации. Тайтоу писал: «Исторические факты, доступные экономисту в работе, на самом деле столь объемны, что превосходят все мыслимые пределы интеллектуальной алчности и простираются вглубь, хотя и в уменьшающихся объемах, до средних веков. Нужно лишь приложить труд и воображение. В XIII в. никакое министерство сельского хозяйства не собирало статистических данных по английской сельскохозяйственной продукции ради удобства тех, кто в XX в. занимается аграрной экономикой. Но медиевисты давно поняли, что такая статистика содержится в ежегодных отчетах бейлифа своему лорду касательно принадлежащих ему земель. А недавно они поняли, что все земли, принадлежавшие и лордам, и крестьянам, облагались десятиной в пользу церкви, а ее грамотная и добросовестная бюрократия весьма заинтересованно изучала и хранила списки десятин из года в год, что позволяет подсчитать объем продукции»².

История предоставляет в наше распоряжение факты, и очень важно для экономиста сопоставлять свои выводы с этими фактами. Если выводы экономиста противоречат установленным фактам, то следует лишний раз проверить качество статистики, обоснованность используемого аппарата или подумать над перечнем рассматриваемых факторов.

Среди историков и, особенно, экономистов, не говоря уже о «широкой публике», распространено мнение о том, что предмет и объект изучения, т. е. общество и его институты, очень быстро меняются, и теперь экономические процессы протекают иначе, чем ранее. Причем изменения носят не только количественный, но и качественный характер. Вообще говоря, для серьезного ученого здесь имеется вопрос: данное утверждение следовало бы проверять. Во-вторых, даже если согласиться с этим тезисом, остается проблема скорости этих изменений: действительно ли изменения в технологии, институтах, финансовых инструментах, структуре потребностей, роли государственного регулирования и т. п. настолько радикальны, что приходится говорить о другой экономике и использовать другую систему индикаторов для ее описания. Но главный вопрос заключается в том, какова глубина ретроспективы, которую можно описывать в терминах современной экономической науки: 30, 100, 500 или более лет. Вообще говоря, это достойный предмет для научного исследования. Многообещающим представляется гипотеза о том, что общество меняется тогда, когда меняются ценности, разделяемые большинством. Но как это измерить?

Последняя группа аргументов в пользу изучения и использования в своей работе экономистами достижений исторической науки состоит в том огромном количестве открытий, которые сделали экономисты в XX в., в особенности в последнее время, обращаясь к экономической истории. Не может быть более серьезного аргумента для ученого при выборе темы и направления исследования, чем потенциальная плодотворность его предстоящей работы. Но об этом чуть ниже³.

² Цит. по МакКлоски Д. Полезно ли прошлое для экономической науки: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Titova/31.php.

³ Помимо множества интересных примеров из уже упоминавшейся статьи Д. МакКлоски краткий перечень достижений в указанной области содержится в статье Н. Ф. Р. Крафтса «Экономическая теория и история» в книге [1]. Там же содержится и библиография.

Эволюция исторической науки

Экономика относится к числу наиболее молодых наук, а история – к числу наиболее древних. Проблема датировки возникновения той или иной науки состоит в том, что отсутствуют общепринятые критерии отнесения той или иной совокупности знаний в конкретной предметной области, а также специфических методов их получения и верификации для того, чтобы отделить донаучный период от собственно науки. В качестве таких критериев обычно выделяют публикацию работ, в которых обобщаются наличные знания в данной области, выделяется предмет и метод исследований, формулируется исследовательская программа и критерии истинности теории. Другим критерием может выступать начало преподавания научной дисциплины в высших учебных заведениях.

Разумеется, последующие работы могут и должны существенно ревизовать результаты данной, но это означает лишь развитие науки, но не ее начало, равно как и преподавание учебной дисциплины претерпевает разительные изменения за сравнительно короткий промежуток времени.

Применительно к экономике такой подход позволяет датировать возникновение экономики как науки 1776 г., когда вышла в свет книга А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», которая полностью отвечала указанным выше критериям. Курс политической экономии впервые был прочитан Дагалдом Стюартом в Университете Эдинбурга в 1801 г. Но не все специалисты по истории экономической науки с этим согласны. Некоторые считают, что экономическая наука возникла только в последней трети XIX в. благодаря трудам и преподавательской деятельности К. Менгера, Л. Вальраса, А. Маршалла, Дж. Б. Кларка и др. Они поясняют свою позицию тем, что только благодаря трудам этих ученых экономика получила в свое распоряжение математический аппарат, завершила схоластические споры по поводу уточнения базовых понятий и стала рассматривать взаимосвязи между количественно определенными наблюдаемыми величинами. В любом случае экономическая наука очень молода: ей не более 250 лет, а возможно на 100 лет меньше.

Другое дело история. Несомненно, история истории уходит в античное время, и уже тогда история выделилась из прочей литературы не только как особый жанр, но и как наука. «История» Геродота [2], которой когда-то открывалась серия академических изданий «Памятники исторической мысли», представляет именно научное произведение, поскольку автор критично воспринимает многочисленные источники, которыми он пользуется, и даже позволяет себе сомневаться интерпретацией сведений, содержащихся в этих источниках. «Поэтому-то я удивляюсь и не могу поверить клевете, будто они [Алкмеониды] подняли [персам] сигнальный щит... Щит тогда был действительно поднят – этого нельзя отрицать, потому что это правда. Но кто его действительно поднял – я не могу ничего больше об этом сказать» [2. С. 307]. Или его ироничное замечание о том, что в существование гипербореев он вообще не верит [2. С. 196].

Любопытно, как Геродот определяет цель своего произведения: «Геродот из Галикорнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [2. С. 11]. Это высказывание Дж. Майрс интерпретирует следующим образом.

1. Свершенное людьми обладает ценностью для человечества и достойно сохранения.
2. Великие подвиги не являются монополией одного народа.
3. Эти подвиги не являются случайностью, но имеют свои причины, требующие объяснения.
4. Настоящее обусловлено прошлым, а прошлое имеет ценность для настоящего, как опыт, могущий быть использованным в будущем [2. С. 469].

Добавим, что Геродот представил историю как междисциплинарное исследование, приводил сведения из географии, этнографии, биологии и других наук. Он в отличие от современных ему литераторов исключает вмешательство богов в дела человеческие, хотя его герои, как и было положено в то время, постоянно советуются с оракулами или иными способами пытаются угадать мнение богов. Геродот указывает источники сведений и называет своих

информаторов, но относится к полученным сведениям критически. Он предпочитает рациональное объяснение фактов с опорой на реконструируемые интересы людей и альтернативные варианты их решений. Наконец, он сам много путешествовал, что дало ему значительный материал для размышлений и позволило сопоставлять личные впечатления с материалами предшественников. Археологические открытия в XIX–XX вв. и расшифровка египетских и вавилонских рукописей в целом подтвердили многие сведения, содержащиеся в «Истории».

Столь длинное отступление мы позволили себе не только для того, чтобы подтвердить «древность» исторической науки (это было бы банальностью), но затем, чтобы показать отличие истории от литературы, хроник (летописей) и священных книг прошлого, также излагавших некоторые факты и последовательность событий во времени. Произведения Фукидида, Ксенофонта, Светония, Плутарха, Тацита вполне соответствовали критериям научности и сейчас рассматриваются как источники сведений, а не только как литературные произведения.

Какова же эволюция исторической науки за последние 2,5 тыс. лет? Очевидно, что за столь долгий период любой вид человеческой деятельности не мог не измениться. На первом этапе объектом исследования были наиболее значимые события в жизни тогдашних обществ: войны, завоевания, восстания, воцарение новых династий, стихийные бедствия, а главными действующими лицами – отдельные личности (цари, вожди, полководцы, жрецы) и их ближайшее окружение. В средние века (см., например, Августина) пантеон героев пополнился святыми и отцами церкви, но предмет исторического описания практически не изменился.

Революция произошла уже в Новое время, когда критическое отношение к хроникам и отдельные попытки выявления фальсификаций и ошибок привели к полноценной критике исторических источников. Несколько ранее был существенно расширен и предмет науки. Наряду с деяниями выдающихся личностей в сферу интереса историков включились различные социальные группы и коллективные действия «простых» людей. История все в большей степени становилась социальной наукой.

Так, Никколо Макьявелли в предисловии к «Истории Флоренции» писал: «Вознамерившись изложить деяния флорентийского народа, совершенные им в своих пределах и вне их, я спервоначалу хотел было начать с 1434 года по христианскому летоисчислению, – со времени, когда дом Медичи благодаря заслугам Козимо и его родителя Джованни достиг во Флоренции большого влияния, чем какой-либо другой. Ибо я полагал тогда, что мессер Леонардо Аретино и мессер Поджо, два выдающихся историка, обстоятельно описали все, что произошло до этого времени. Но затем я внимательно вчитался в их произведения, желая изучить их способ и порядок изложения событий и последовать ему, чтобы заслужить одобрение читателей. И вот обнаружилось, что в изложении войн, которые вела Флоренция с чужеземными государями и народами, они действительно проявили должную обстоятельность, но в отношении гражданских раздоров и внутренних несогласий и последствий того и другого они многое просто замолчали, а прочего лишь поверхностно коснулись, так что из этой части их произведений не извлекут ни пользы, ни удовольствия» [3].

Именно изучение и выявление причин «внутренних раздоров» автор ставит в центр исследования, поскольку «если в истории что-то может понравиться или оказаться поучительным, так это подробное изложение событий, а если какой-либо урок полезен гражданам, управляющим республикой, так это познание обстоятельств, порождающих внутренние раздоры и вражду, дабы граждане эти, умудренные пагубным опытом других, научились сохранять единство» [3. С. 9].

Изучение народных движений, их идеологии и движущих сил произвело революцию в исторической науке и неизбежно поставило вопрос о роли экономических отношений и экономических институтов в развитии исторических процессов. Перенос в центр исторических исследований хозяйственной жизни народов, что произошло уже в конце XIX в., заставило переосмыслить всю историю отдельных стран и человечества в целом. В то же время начали появляться новые массивы данных, ранее недоступные историкам, такие как расшифрованные тексты, написанные на мертвых языках, и результаты археологических раскопок. Люсьен Февр подробно обсуждает формулу «историю изучают при помощи текстов» и показыва-

ет, какие пласты информации могли бы ускользнуть от внимания историка при ее буквальном прочтении [4. С. 11–12].

В последние десятилетия XX в. историческая наука пережила новую революцию благодаря, во-первых, использованию новых методов получения информации на основании достижений естественных наук, во-вторых, благодаря накоплению и, самое главное, возможности использования значительных массивов информации вследствие прогресса вычислительной техники и использования количественных данных.

Методы датировки с использованием различных методик радиоуглеродного анализа, анализ генетической информации людей, животных и растений, оцифровка и изучение архивных материалов, бухгалтерских и церковных книг, личных архивов, деловой переписки и т. п. предоставили такой массив данных, о котором не могли и мечтать ученые прошлого. Впечатляющую картину использования данных, представленных благодаря достижениям естественных наук, демонстрирует Дж. Даймонд [5], хотя его выводы более впечатляющи, нежели доказательны. Таким образом, вкратце историю исторической науки можно изложить следующим образом: сначала история была преимущественно военная, потом политическая, и только потом социальная и социально-экономическая. Соответственно главными акторами сначала были «герои», потом высшие классы и толпа и, наконец, история стала рассматривать в качестве предмета исследования социальный организм как сложную систему групп, связей между ними, формальных и неформальных институтов. Но в любом случае история оставалась историей людей.

Еще в XIX в. историки стали использовать достижения экономической науки, прежде всего понятийный аппарат и статистику, для подтверждения своих выводов. Более того, в какой-то момент стало казаться, что экономика и есть суть исторических процессов. Даже зная о психическом нездоровье тех или иных исторических персонажей и массовых психозах, охватывающих огромное количество людей, историки, подобно экономистам, пытались найти рациональное объяснение историческим процессам, базируясь на выявлении интересов социальных групп и классов и отсекая «случайные флуктуации», которые не укладывались в их теоретические доктрины. В этом был определенный смысл, но всегда оставался вопрос об обоснованности этих доктрин.

Философия истории

Как соотносятся история и теория? Об этом хорошо написал Р. Кэмерон: «В дискуссиях о роли теории в исторических исследованиях часто утверждается (возможно, потому, что это утверждение верно), что историк *a priori* исходит из каких-то идей. Поэтому желательно, чтобы эти идеи формулировались, а, если возможно, то и систематизировались в явном виде. Иными словами, выбор лежит не между теорией и отсутствием теории, а между явной, осознанно сформулированной теорией и неявным, неосознанным теоретизированием. Почти то же самое можно сказать об использовании истории теоретиками. Даже самый презирающий историю экономист кое-что из истории использует: свой собственный опыт, опыт своего поколения или некие исторические обобщения, которыми полон фольклор даже самых изысканных обществ»⁴.

Но в этом разделе мы поговорим об экономизме в истории, т. е. о некоторой метатеории, сводящей исторический процесс к реализации экономических законов и, тем самым, задающим вектор исторического прогресса. В доктрине К. Маркса развитие производительных сил периодически наталкивается на рамки, задаваемые производственными отношениями, что и приводит к тектоническим сдвигам в истории: гибели государств и цивилизаций, переселениям народов, войнам, революциям и т. п. Прогресс в технологии (в широком смысле) есть причина социальных и политических сдвигов и катаклизмов, что очень хорошо выразил Ф. Энгельс, когда сказал, что К. Маркс сформулировал законы истории, подобно тому, как Ч. Дарвин сформулировал законы эволюции живого мира. Сам К. Маркс писал, что «ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [6. С. 133].

⁴ Цит. по указ. статье Д. МакКлоски.

Если у Ф. Листа национальные производительные силы – это, прежде всего, духовные качества народа, задаваемые и воспроизводимые семьей, общиной, соседскими отношениями, церковью, то у К. Маркса производительные силы материальны и характеризуются совокупностью средств и орудий труда. У Ф. Листа – способность и умение создавать богатство важнее самого богатства, что подтверждается быстрым восстановлением некоторых стран, переживших национальную катастрофу, и неспособность других самостоятельно обеспечить своим жителям минимальный уровень занятости и благосостояния даже в условиях мира. Производительные силы К. Маркса материальны в том смысле, что исключают институты и духовные качества людей из числа двигателей исторического развития, относя эти факторы к производственным отношениям. «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она создает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [7. С. 7].

Критике марксистской концепции как со стороны истории, так и со стороны экономики посвящено множество работ. Ограничимся соображением Л. Фон Мизеса, который писал: «Но марксизм как философия истории, претендуя на знание целей, к которым обязаны стремиться люди, использует термин “интересы” в другом смысле. Интересы, к которым она обращается, это не интересы выбираемые людьми на основе ценностных суждений. Это цели, к которым стремятся материальные производительные силы. Эти силы нацелены на установление социализма. В качестве средства осуществления этой цели они используют пролетариат. Сверхъестественные материальные производительные силы преследуют собственные интересы, не зависящие от воли смертных людей» [8. С. 123].

Другим распространенным приемом создания философии истории являются различные версии географического детерминизма. Объясняющими факторами исторического процесса и даже национального характера становятся рельеф местности, продолжительность вегетационного периода, среднегодовая температура, направления русла судоходных рек, наличие или отсутствие девственных лесов, естественное плодородие почв. Перечислять можно до бесконечности. Применительно к России это означает, что благодаря холодному климату редкое население среднерусских равнин пришло в движение и постоянно захватывало близ- и дальнележащие земли, поскольку обладало особой ментальностью и негативной трудовой этикой⁵.

Две тысячи лет назад Плиний Старший считал, что Египту природой гарантировано быть житницей Средиземноморья в отличие от холодной, каменистой и неплодородной Италии, не говоря уже о заросших непроходимыми лесами Галлии и Германии или дикой, заснеженной и негостеприимной Скифии, располагавшейся на северном побережье Черного моря. Если все пойдет своим чередом, то Италия, не говоря уже о более северных странах, всегда будет бедной, а Египет – богатым. Наверняка не последней в длинной череде подобных работ окажется и известная книга «Почему Россия не Америка».

В древние времена зависимость общества от природы и влияние последней на скорость эволюции технологии, государственного устройства и особенности национального характера, возможно, была высокой. Но это уже давно не так. По крайней мере, лет 500. Если исходить из гипотезы географического детерминизма, то европейцы, приехавшие в Северную Америку или Австралию, должны были перенять образ жизни и менталитет аборигенов⁶, не говоря уже о цыганах, столетиями живущих бок о бок с другими народами в европейских странах. Именно общественные институты становятся главными факторами прогресса или деградации человеческих обществ, и главным из них является государство. При этом следовало бы помнить замечания Ф. Рошера о том, что не стоит ругать и не хвалить экономические учреждения: из них лишь очень немногие полезны или вредны для всех народов одина-

⁵ См., например, *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/milov/.

⁶ Справедливости ради нужно отметить, что переселенцы действительно многому научились у аборигенов. В Северной Америке они даже научились снимать скальпы. Но они не смогли перенять институты коренного населения.

ково, и, прежде всего, следует выяснить, каким образом и почему целесообразное часто превращалось в нелепое, а благодеяния оборачивались бедствиями.

Л. фон Мизес писал о том, что «история имеет дело с человеческой деятельностью, т. е. с действиями, выполняемыми индивидами и группами индивидов. Каждый индивид рождается в определенной социальной и природной среде. Его действия направляются идеологиями, которые он усвоил в своей среде» [8. С. 141], но и среда и идеологии не остаются неизменными. Попытки объяснить рождение идей изменением технологии, географическим окружением или биологическими (расовыми) факторами контрпродуктивны не потому, что эти факторы и условия малозначимы, а потому что неявно предполагают цель истории, т. е. Бог, природа, технологический прогресс, пророк, «всемирное правительство» или некий подобный субъект используют людей в собственных целях, отличных от целей людей. Манипулирование поведением нельзя исключить из исторического процесса, но и нельзя сводить последний к реализации чьей-то цели. Превращение людей из субъектов, принимающих решения, в объект, исполняющий чью-то волю, делает изучение истории бессмысленным, поскольку до окончания истории человечества вообще мы в научном плане ничего не сможем сказать ни о целях, ни о самом субъекте, будь то Бог, природа или прогресс.

Экономическая история

Экономическая история родилась еще в конце XIX в. Частично это произошло в результате «исторического империализма», когда историки осознали важность экономических процессов для объяснения политических событий, частично в результате критики собственно экономической науки со стороны исторической школы, частично под влиянием использования стандартных экономических методов (математического моделирования и эконометрики) для исследования экономических процессов, выходящих за пределы недавнего прошлого. Таким образом, экономическая история стала результатом движения экономистов и историков навстречу друг другу, хотя между ними всегда был дефицит взаимопонимания.

По мнению Николааса Крафтса, «основные черты, отличающие работы по экономической истории от исследований в области прикладной экономики, заключаются в следующем:

- 1) большее внимание и осведомленность относительно проблем исходных данных;
- 2) больший акцент на использование первичных источников информации и на исследовании конкретных ситуаций;
- 3) больший интерес к институциональным вопросам;
- 4) больший временной лаг в освоении наиболее передовых экономических и / или эконометрических методов;
- 5) зависимость карьерного роста от успехов в другой профессиональной группе» [9. С. 993].

Наше знание и понимание общества, в котором мы живем, всегда ограничено. Поэтому не так уж неправы те, кто утверждает, что мы живем в мире мифов. Но эти «мифы», т. е. наши представления, должны неизбежно держаться в рамках приличий, т. е. разрыв между действительностью и нашими представлениями о ней не должен переходить некоторой границы, а в результате научных исследований он должен постоянно сокращаться. Все сказанное относится и к прошлому, и это действительно так. Главная задача экономической истории состоит в том, чтобы внести свой вклад в развенчание мифов, главными из которых является мнение об уникальности современного состояния общества и происходящих в нем процессов и несопоставимости масштабов сегодняшних проблем с тем, с чем сталкивались страны и народы в прошлом.

«Тревожившие современные правительства миграции из одной страны в другую в течение последних двадцати лет есть лишь бледная тень миграций XIX в. То же самое можно сказать и о миграциях капитала: если кто-то пожелает оценить воздействие иностранных инвестиций на экспортирующую или импортирующую страну, то самый доступный материал – опыт Великобритании, которая отправила за границу треть своих сбережений за период с 1870 по 1913 г. Если кто-то пожелает оценить бремя или выгоды государственного долга, то самые очевидные эксперименты – опыт Великобритании с долгом во время напо-

леоновских войн. В 1820-х гг. долг английского правительства примерно в 2,5 раза превышал национальный доход»⁷.

Восстановление временных рядов национального дохода и других макроэкономических показателей с количественной точки зрения заставило пересмотреть итоги промышленного переворота в Великобритании: оценки экономического роста с 1780 по 1830 г. были снижены на треть, а темпов прироста совокупной производительности факторов – почти наполовину. С другой стороны, было показано, что различные страны Запада шли к нынешнему уровню благосостояния разными путями, вместо того, что бы следовать магистральному пути, предложенному Великобританией [9. С. 997–998].

Другими впечатляющими результатами стало доказательство рентабельности плантационного хозяйства в южных штатах, значительное снижение оценки вклада железнодорожного строительства в экономический рост США во второй половине XIX в., пересмотр успешности фискальной политики администрации Ф. Д. Рузвельта в период Великой депрессии и многие другие. Впечатляющие результаты были получены Дж. Хиксом, который показал, что развитие капитализма в Европе связано не столько с техническими нововведениями и накоплением денежного капитала, сколько с финансовыми инновациями. Он показал, что индустриальная революция и связанный с нею экономический рост должны были ждать финансовую революцию. Это наблюдалось в Англии, США и других странах. Голландия задолго до заметного роста в XVII в. пережила финансовую революцию, которая включала институциональные инновации, такие как появление оборотных векселей для финансирования международной торговли, рыночных ценных бумаг для финансирования внешнего долга и подходящей платежной системы, стабильной валюты, сильной частной банковской системы и рынка ценных бумаг. Нечто подобное наблюдалось во Флоренции и других городах Италии в XV в. [10].

Сторонникам государственного интервенционизма и естественных монополий, убежденным в том, что большинство современных проблем может решить только государство, следует перечитать краткую статью Р. Коуза «Маяк в экономической теории» [11].

Для тех, кто интересуется отечественной экономической историей, полезно прочитать фундаментальную монографию П. Грегори, которая посвящена исследованию экономического развития России в период индустриализации [12].

В ней показано, что уровень экономического развития России накануне I Мировой войны был выше, чем считалось ранее, ставится под сомнение наличие аграрного кризиса в России в конце XIX – начале XX в., сообщается много нового для читателя и, самое главное, показывается, как и на основании каких данных автор приходит к таким выводам.

Список литературы

1. Панорама экономической мысли конца XX столетия: В 2-х т. / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экон. шк., 2002. Т. 2. С. 991–1013.
2. Геродот История в девяти книгах. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние. 1972. 600 с.
3. Макьявелли Н. История Флоренции. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние. 1973. 440 с.
4. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
5. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ МОСКВА; CORPUS, 2010. 720 с.
6. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 4.
7. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 13.
8. Мизес Л. фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007.
9. Крафтс Н. Экономическая теория и история // Панорама экономической мысли конца XX столетия: В 2-х т. / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экон. шк., 2002. Т. 2.

⁷ МакКлоски Д. Указ. соч.

10. Хикс Дж. Теория экономической истории. М.: Вопросы экономики, 2003. 223 с.
11. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД, 1993. 192 с.
12. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX веков): новые подсчеты и оценки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 256 с.

Материал поступил в редколлегию 01.07.2011

V. I. Klistorin

APOLOGIA OF HISTORY OR WHY ITS STUDYING IS NECESSARY FOR THE ECONOMIST

The paper discusses how two sciences – economics and history – correlate and influence each other. Learning history allows more achievements in economics such as the new research hypotheses and methods for their verification. We discuss deterministic models of the social development based on technological progress, environmental specifics and peoples' historical experience. Such models have extremely limited use and explaining abilities. An alternative to them is the economic history, i. e. economic models and econometric methods applied in historical studies.

Keywords: economics, history, historical school, evolution of science, productive forces, geographic determinism, historical experience, applied economics, economic history.